

ЗАВЕРШЕНИЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ПРАВДА И ЛОЖЬ ИСТОРИИ

Канд. ист. наук, доц. БОГДАНОВИЧ Е. Г., КОЗЕЛ Д. А.

Белорусский национальный технический университет

С разгромом нацистской Германии был ликвидирован очаг агрессии на Западе, но Вторая мировая война еще продолжалась на Дальнем Востоке. Капитуляция фашистской Германии резко ухудшила военно-политическое положение восточного партнера Гитлера по оси Берлин – Рим – Токио. К тому же США и Англия имели превосходство в силах на море и вышли на ближние подступы к метрополии Японии. Тем не менее, Япония не собиралась складывать оружие, отвергла ультиматум США, Англии и Китая о безоговорочной капитуляции, предъявленный 26 июля 1945 г. на Потсдамской конференции, опираясь в своем решении на сильную сухопутную армию и мощную военную промышленность. Рассчитывая на разногласия между союзными державами, она стремилась затянуть войну, чтобы добиться благоприятных условий мира.

К лету 1945 г. в вооруженных силах Японии насчитывалось 7,2 млн чел. (в том числе в сухопутных войсках и авиации 5,5 млн чел.), около 11 тыс. самолетов, около 500 боевых кораблей, разнообразный арсенал других видов вооружения и боевой техники. На службу японской военной машины были поставлены материальные ресурсы и производственные мощности Северо-Восточного Китая и Кореи [1, с. 451].

Из этих объективных условий исходили и союзники по антигитлеровской коалиции при разработке и утверждении в марте 1945 г. военного плана «Даунфол», в котором указывалось, что для вторжения на Японские острова и

разгрома японских вооруженных сил им понадобится армия численностью не менее 5 млн чел., а война без вступления в нее Советского Союза продлится до конца 1946 г. или даже дольше. При этом расчетные потери только американских войск могли составить более 1 млн чел.

Идя навстречу настойчивым предложениям американско-английской стороны на Тегеранской конференции глав правительств СССР, США и Англии (1943 г.), советская делегация дала принципиальное согласие вступить в войну против империалистической Японии, после того как завершится разгром гитлеровской Германии. На Крымской конференции трех союзных держав в феврале 1945 г. были уточнены срок и условия вступления СССР в войну на Востоке – через два-три месяца после окончания войны в Европе, при условии «возвращения Советскому Союзу южной части острова Сахалин и всех прилегающих к ней островов», а также «передачи Советскому Союзу Курильских островов» [2, с. 484–485]*.

Подготовка к военной кампании на Дальнем Востоке началась сразу после Крымской конференции. Она проводилась по единому плану Верховного Главнокомандования и включала комплекс дипломатических и военно-технических мероприятий в общегосударственном масштабе.

5 апреля 1945 г. Советское правительство денонсировало советско-японский пакт о нейтралитете, заключенный в 1941 г. Пакт, к той поре уже многократно нарушенный и, по суще-

* Вопреки японской версии о том, что Рузвельт якобы «купил» в Ялте согласие Сталина на вступление в войну против Японии, «расплывшись» Южным Сахалином и Курильскими островами, в действительности в Крыму никакого торга не было. Рузвельт считал, что эти ранее принадлежавшие России территории необходимо ей вернуть. Обоснованность решения о восстановлении прав России на Южный Сахалин и Курильские острова признавал и Черчилль, который говорил Сталину: «Мы будем рады видеть русские суда на Тихом океане и одобряем восполнение потерь, понесенных Россией в русско-японской войне» [1, с. 34].

ству, перечеркнутый японской стороной. В заявлении по этому поводу указывалось, что со времени подписания пакта обстановка в корне изменилась: Япония, будучи союзницей фашистской Германии, помогает ей в войне против СССР и, кроме того, воюет с США и Англией – союзниками СССР. При таком положении пакт о нейтралитете между Японией и СССР теряет смысл, и продление его стало невозможным [2, с. 496].

В мае – июле 1945 г. были осуществлены интенсивные переброски войск и материально-технических средств Советских Вооруженных Сил в Приморье, Приамурье и Забайкалье.

Боевые действия по разгрому японских войск планировалось проводить на территории Северо-Восточного Китая (Маньчжурии), Северной Кореи, Внутренней Монголии, на Японском и Охотском морях, на Сахалине и Курильских островах. Природные условия оказали большое влияние на их подготовку и ведение. Они же определили три стратегических направления, на которых развернулось наступление советских войск: забайкальско-маньчжурское, приамурско-маньчжурское и приморско-маньчжурское.

В Маньчжурии и Корее была создана группировка вооруженных сил Японии общей численностью, включая марионеточные войска, свыше 1 млн чел. На вооружении этой группировки имелось 1215 танков, 6640 орудий и минометов, 1907 боевых самолетов и 26 кораблей. К лету 1945 г. у границ с Советским Союзом и Монгольской Народной Республикой японцы подготовили 17 укрепленных районов, каждый из которых занимал по фронту от 20 до 100 км и до 40 км в глубину. На приморском направлении оборона была наиболее сильной [1, с. 182].

Непосредственно в состав Квантунской армии (численность около 1 млн чел.) входили: 31 пехотная дивизия, 9 пехотных бригад, бригада смертников, 2 танковые бригады и 2 воздушные армии. На ее вооружении было 1155 танков, 5360 орудий и 1800 самолетов [3, с. 338].

Ставка Верховного Главнокомандования развернула против Японии три фронта: Забайкальский (командующий – маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский, член Военного совета – генерал А. Н. Тевченков, нач. штаба – генерал М. В. Захаров), 1-й Дальневосточный (командующий – маршал Советского Союза К. А. Мерецков, член Военного совета – генерал Т. Ф. Штыков, нач. штаба – генерал А. Н. Кру-

тиков) и 2-й Дальневосточный (командующий – генерал М. А. Пуркаев, член Военного совета – генерал Д. С. Леонов, нач. штаба – генерал Ф. И. Шевченко). Привлекались также Тихоокеанский флот (командующий – адмирал И. С. Юмашев, член Военного совета – генерал С. Е. Захаров, нач. штаба – вице-адмирал А. С. Фролов) и Амурская флотилия (командующий – контр-адмирал Н. В. Антонов, член Военного совета – адмирал М. Г. Яковенко, нач. штаба – капитан 1-го ранга А. М. Гущин). Главнокомандующим войсками на Дальнем Востоке был назначен маршал Советского Союза А. М. Василевский.

На трех фронтах имелись 72 стрелковые и мотострелковые, 6 кавалерийских, 2 танковые дивизии, 20 укрепленных районов, 1 танковый и 3 механизированных корпуса, 30 отдельных бригад. Они насчитывали более 1,5 млн чел., более 26 тыс. орудий и минометов, более 5,5 тыс. танков и САУ и свыше 3,8 тыс. боевых самолетов. Советские войска превосходили врага: в людях – в 1,2 раза, орудиях – в 4,8, танках – в 4,8, самолетах – в 1,9 раза [3, с. 338]. Такое соотношение сил и средств позволяло успешно выполнять поставленные задачи. Кроме того, на Тихоокеанском флоте и Амурской флотилии имелось более 500 боевых кораблей и свыше 1500 самолетов. Но советские войска не только количественно превосходили противника. Их сила была также в сочетании солдат и офицеров, хорошо обученных и знавших театр войны и противостоящего противника в процессе длительной учебы, и прибывших фронтовиков, прошедших горнило войны.

Особенность подготовки войны заключалась в том, что выполнение ее стратегических задач предусматривалось в предельно короткие сроки. Наступление готовилось как операция вторжения с рядом черт, типичных для начала войны: скрытность развертывания войск, внезапный переход в наступление и удар с участием максимума сил в первом эшелоне. Это требовало четкой организации взаимодействия между фронтами, флотом и флотилиями.

Исходя из целей войны Советского Союза с Японией, перед советскими войсками стояла задача: разгромить Квантунскую армию как главную ударную силу Японии и овладеть Маньчжурией и Кореей – экономическими базами, на которые опиралась Япония в ходе Второй мировой войны, и тем самым вынудить ее к капитуляции.

Замыслом Ставки ВГК предусматривалось: силами Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов осуществить стремительное вторжение в Маньчжурию, расчленить Квантунскую армию на части, окружить ее и уничтожить. Начало войны строилось на принципе внезапности удара и использовании подвижных соединений для быстрого продвижения в глубь территории.

Ведущая роль отводилась Забайкальскому и 1-му Дальневосточному фронтам, которые наносили удары по сходящимся направлениям на Чанчунь. 2-й Дальневосточный фронт во взаимодействии с Амурской флотилией ударом на Харбин должен был содействовать расчленению этой группировки и ее уничтожению. Всем фронтам предлагалось предусмотреть вспомогательные удары с целью обеспечения войск на главных направлениях. Тихоокеанский флот должен был нарушить сообщения противника на море, поддержать прибрежные фланги войск и не допустить высадки десанта врага.

При общей протяженности границы более 5000 км наши войска должны были наступать на фронте 2700 км, на глубину 500...800 км. Удары с направлений, разделенных расстоянием 1500 км, ставили противника в условия войны на два фронта, а слабое развитие коммуникаций ограничивало маневр резервами. Вспомогательные удары, которые предусматривались на всех операционных направлениях, вынуждали врага держать оборону почти на всем фронте и не давали ему возможности создать где-либо сильные группировки войск.

В первых числах августа советские войска были готовы для перехода в решительное наступление. 8 августа 1945 г. Советское правительство опубликовало Заявление, в котором говорилось, что с 9 августа Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией. С 10 августа в войну с Японией вступила Монгольская Народная Республика.

9 августа 1945 г. войска трех советских фронтов перешли в наступление.

Дальневосточные фронты начали штурм укрепленных районов и позиций врага с направлений Приморья и Приамурья. Войска Забайкальского фронта, совершив стремительный марш-бросок через монгольские степи, громили японских захватчиков в горах Большого Хингана. Бомбардировочная авиация наносила уда-

ры по железнодорожным узлам и военным объектам Харбин и Чанчунь, портам Юки, Начкин (Расин), Чхоньчжин (Сейсин).

Наступление войск было сопряжено с прорывом укрепленных районов и преодолением трудной горно-таежной и сильно заболоченной местности. В ходе его воины всех специальностей в условиях труднодоступной горно-таежной местности по несколько суток без сна и отдыха строили и восстанавливали дороги, наводили мосты, взрывали скалы, чтобы обеспечить продвижение артиллерии, танков, автомашин.

В целом за 9–14 августа 1-й Дальневосточный фронт добился решающих успехов. Войска фронта овладели мощными укрепленными районами, продвинулись на 120...150 км. Были созданы благоприятные условия для наступления на Харбин, Гирин и Чанчунь. Овладение вместе с десантами Тихоокеанского флота портами Юки и Расин лишило Квантунскую армию связи с Японией и отрезало пути отступления в Корею.

Активные боевые действия развернулись и на 2-м Дальневосточном фронте. В час ночи 9 августа он начал наступление на сунгарийском и жаохэйском направлениях. В течение 9 и 10 августа войска фронта форсировали Амур и Уссури, захватили плацдармы на противоположном берегу. До 11 августа велись боевые действия за овладение многочисленными островами и плацдармом на противоположном берегу Амура. 12–14 августа ударные группировки 2-й Краснознаменной армии нанесли поражение противнику в большей части узлов сопротивления Суньуского укрепленного района и стали преследовать врага в направлении Мэргэнь, Бэйяньчжэнь. К 15 августа советские войска, разгромив противника в пограничной зоне, на всех направлениях стремительно продвинулись к центральным районам Маньчжурии. Основная группировка Квантунской армии стала перед фактом полного окружения.

Правительство Японии пыталось маневрировать. 14 августа на заседании, проведенном совместно с Высшим военным советом японской армии, оно приняло решение о капитуляции и сообщило правительствам СССР, США, Великобритании и Китая о том, что император

Хирохито согласен с условиями Потсдамской декларации от 26 июля 1945 г. Однако никаких приказов на сей счет Квантунской армии, а также другим войскам и флоту не последовало. Японские дивизии и гарнизоны продолжали борьбу. На всех основных направлениях шли напряженные бои. В связи с этим Генеральный штаб Красной Армии выступил в печати со следующим разъяснением:

«1. Сделанное японским императором 14 августа сообщение о капитуляции Японии является только общей декларацией о безоговорочной капитуляции. Приказ вооруженным силам о прекращении боевых действий еще не отдан, и японские вооруженные силы по-прежнему продолжают сопротивление. Следовательно, действительной капитуляции вооруженных сил Японии еще нет.

2. Капитуляцию вооруженных сил Японии можно считать только с того момента, когда японским императором будет дан приказ своим вооруженным силам прекратить боевые действия и сложить оружие и когда этот приказ будет практически выполняться.

3. Ввиду изложенного Вооруженные Силы Советского Союза на Дальнем Востоке будут продолжать свои наступательные операции против Японии» [4, с. 179].

К исходу 19 августа, преодолев с боями свыше 500 км, войска 1-го Дальневосточного фронта вышли на Центральную Маньчжурскую равнину на соединение с войсками Забайкальского фронта и овладели районами Линькоу, Вэйхэ, Эму, Дуньхуа, Яньцзи и Ранан.

Большой вклад в разгром вооруженных сил Японии внес Тихоокеанский флот. В результате его совместных действий с войсками 1-го Дальневосточного фронта с кораблей были успешно высажены десанты в порты Юки, Расин, Сейсин, Одецин, Гензан (Вонсан). Захват этих важнейших японских портов на восточном побережье Северной Кореи привел к тому, что Квантунская армия оказалась отрезанной от баз снабжения и изолированной от метрополии.

Исчерпав все возможности остановить наступление Красной Армии, командование Квантунской армии обратилось к советскому командованию с просьбой прекратить боевые действия. Однако и на сей раз не обошлось без

хитроумных уловок: в этой просьбе ни слова не говорилось о готовности противника сложить оружие. Японские солдаты и офицеры, воспитанные на так называемых самурайских традициях, не допускавших сдачи в плен, на большинстве участков по-прежнему оказывали сопротивление, а местами пытались даже наносить контрудары. Маршал Советского Союза А. М. Василевский 17 августа ответил генералу Ямада твердо и категорически: «Предлагаю командующему войсками Квантунской армии с 12 часов 20 августа прекратить всякие боевые действия против советских войск на всем фронте, сложить оружие и сдаться в плен... Как только японские войска начнут сдавать оружие, советские войска прекратят боевые действия» [5, с. 512].

В 17 ч. того же дня радиостанция разведотдела 1-го Дальневосточного фронта приняла радиограмму штаба Квантунской армии, в которой сообщалось, что ее войскам отдан приказ о капитуляции и прекращении военных действий. С утра 19 августа началась массовая сдача японских солдат и офицеров в плен. Массовая, но не полная.

19 августа начальник штаба Квантунской армии генерал-лейтенант Х. Хата с группой японских генералов и офицеров был доставлен на командный пункт К. А. Мерецкова. Туда же прибыл и главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке маршал Советского Союза А. М. Василевский. Он лично продиктовал японцам порядок капитуляции Квантунской армии. Сдача в плен и разоружение всех ее войск должны были закончиться не позднее 12 ч. 20 августа. В тот же день на большей части фронта японцы прекратили вооруженное сопротивление.

Завершив активные боевые действия на территории Маньчжурии, войска 1-го, 2-го Дальневосточных и Забайкальского фронтов после 20 августа продолжали выход в намеченные районы. К концу августа вся территория Маньчжурии площадью более 1,3 млн кв. км с населением свыше 40 млн чел. была полностью освобождена от японских захватчиков. В соответствии с соглашением советские войска оставались в Маньчжурии до 3 мая 1946 г.

Успешное развитие боевых действий в Маньчжурии позволило советскому командо-

ванию приступить к операции по освобождению южной части острова Сахалин, потерянного Россией после русско-японской войны 1904–1905 гг. Оборону острова держала одна японская дивизия (20 тыс. чел.), государственная граница была оборудована мощными укреплениями. Операция началась 11 августа. Советские войска штурмовали укрепления при поддержке авиации, но встретили мощное подготовленное сопротивление. Оборону японцев удалось прорвать только после недели ожесточенных боев. 16 августа в портах Южного Сахалина были высажены морские десанты с тем, чтобы ускорить разгром отступавшего противника и предотвратить его эвакуацию на Хоккайдо. Окончательно сопротивление японских войск было подавлено к 25 августа 1945 г. [6, с. 207–214].

Славной эпопеей явилось и освобождение Курильских островов в ходе последней операции Второй мировой войны – Курильской десантной операции (18–31 августа 1945 г.), осуществленной совместными усилиями войск 2-го Дальневосточного фронта и Тихоокеанского флота. Освобождение о-ва Шумшу стало решающим событием в ходе всей Курильской операции. Северные острова Большой Курильской гряды до Утуруп включительно без больших усилий были заняты войсками Камчатского оборонительного района, а все острова к югу от него – войсками 16-й армии, переброшенной на кораблях с Южного Сахалина. К 1 сентября завершилось освобождение всех островов Курильской гряды. Всего было разрушено и пленено до 60 тыс. японских солдат и офицеров [6, с. 215–227].

Таким образом, Дальневосточная военная кампания Советских Вооруженных Сил была завершена блестящим решением поставленных стратегических задач. Полностью были освобождены Маньчжурия, Ляодунский полуостров, Северная Корея до 38-й параллели, Южный Сахалин и Курильские острова, Северо-Восточный Китай. Никогда еще за всю историю, ни в одной из предшествующих войн японская армия не терпела столь крупного по-

ражения, как на этот раз. Потери противника были огромными: свыше 677 тыс. солдат и офицеров, из них около 84 тыс. убитыми и ранеными и более 593 тыс. пленными [1, с. 253]. Советский Союз и его Вооруженные Силы своими решительными действиями спасли от неминуемой гибели сотни тысяч солдат союзных армий и ускорили окончание Второй мировой войны.

Дальневосточная военная кампания стала примером массового героизма советских воинов. Так, уже в первые дни наступления повторили подвиг Александра Матросова рядовой Г. Е. Попов, младший сержант А. Я. Фирсов и ефрейтор В. С. Колесник. Этим мужественным воинам было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. За боевые подвиги звания Героя Советского Союза были удостоены еще 83 участника Дальневосточной кампании. 6 чел. награждены второй медалью «Золотая Звезда» Героя Советского Союза [3, с. 349, 354].

Значительный вклад в дело победы над милитаристской Японией внесли англо-американские союзники. Несомненно, победу над Японией ускорили атомные бомбы, сброшенные на Хиросиму и Нагасаки. В то же время сегодня весь мир знает о том, что в этих варварских бомбардировках, предпринятых США, не было военной необходимости.

Принципиальное решение о бомбардировке президент Трумэн принял 31 мая 1945 г. Через две недели были названы и первые цели: японские города Кокура, Ниигата, Хиросима и чуть позже Нагасаки.

17 июля 1945 г., в день открытия Потсдамской конференции Трумэн получил в Берлине короткую шифrogramму, содержащую три слова: «Младенцы благополучно родились». Содержание шифровки означало: в штате Нью-Мехико в 5 ч. 30 мин. 16 июля на секретном полигоне Аламогордо на верхушке тридцатиметровой металлической вышки была взорвана первая в истории человечества атомная бомба. Изобретение было зашифровано под названием «Манхэттенский проект»*, и производство

* «Манхэттенский проект» был одним из крупнейших научно-промышленных предприятий в истории человечества. Осуществлял проект корпус инженеров сухопутных сил США. Проект был начат постольку, поскольку существовало опасение, что нацистская Германия работает над созданием атомной бомбы. Менее чем за три года США потратили 2 млрд дол. – сумма по тем временам астрономическая. Прямо или косвенно в проекте было задействовано 200 тыс. чел. – хотя только несколько из них представляли себе, чем собственно они занимаются.

атомной бомбы в США пришло к своему трагическому завершению. На свет появились не беспомощные младенцы, а новое оружие разрушительной силы, самое страшное в истории человечества.

Американские и английские политики договорились применить как можно скорее атомную бомбу против Японии на секретном совещании Объединенного политического комитета по атомной энергии, состоявшемся в Пентагоне 4 июля 1945 г. Трумэн и Черчилль мотивировали это варварское решение необходимостью сокращения сроков войны и «спасения жизней» как «друзей, так и врагов». Великое зло они выдавали за добро. 23 июля 1945 г. из США были получены сведения, что первая атомная бомба будет готова для применения в начале августа.

Чисто политическую, а не военную направленность ядерной акции США подтверждает и то, что ни в Хиросиме, ни в Нагасаки не было стратегических японских военных объектов, способных в тот момент существенно влиять на ход войны. Разумеется, в них существовали военные гарнизоны, заводы и базы, но даже крупнейшие военные верфи «Мицубиси» в Нагасаки, на которых строилось большинство японских линкоров и авианосцев, в августе 1945 г. не имели принципиального значения для ведения дальнейших боевых действий.

Надо отметить, что и Япония разрабатывала тогда атомный проект. В 1943 г. премьер-министр Японии Тодзё Хидэки отдал приказ Национальному институту оборонных исследований о начале ядерных разработок.

К началу августа 1945 г. бомбы, предназначенные для японских городов, были изготовлены и отправлены на американскую военновоздушную базу Тиниан на Марианских островах в Тихом океане. Первая бомба была 3 м длиной и 0,7 м в поперечнике и весила около 4 т. Ее тротильный эквивалент составлял 13 тыс. т. Вторая бомба была вдвое толще (1,5 м), и ее эквивалент был равен уже 22 килонам тринитротолуола. Если в первой в качестве боевого заряда использовался уран-235, то основу второй – гораздо более мощной – бомбы составлял плутоний-239.

6 августа 1945 г. в 1 ч 45 мин бомбардировщик Б-29 под названием «Энола Гэй» поднялся с

Марианских островов и взял курс на Японию, имея на борту первую – меньшую из бомб.

В 7 ч 30 мин он был у цели – города Хиросима – и, выйдя на боевой курс, сбросил на парашюте бомбу, которая взорвалась в 8 ч 15 мин на высоте 500...600 м над землей. Взрыв раздался над деловым центром города в то время, когда люди спешили на работу. В результате в радиусе 1...1,5 км от эпицентра взрыва в одно мгновение люди просто испарились, оставив в память о себе лишь тени. Чуть дальше высокотемпературное пламя сохранило пепел и обгоревшие кучи костей. Пронесшаяся ударная волна разрушила в радиусе 3 км то, что не успело расплавиться при вспышке, и понеслась дальше, превратив город в пустыню. Начавшееся следом радиоактивное заражение плотностью около 400 рад (смертельная доза для человека) завершило дело. Точное число жертв неизвестно до сих пор, но примерно подсчитано, что в Хиросиме в момент взрыва и непосредственно от ранений, полученных при этом, погибло свыше 150 тыс. чел. и было разрушено 92 % всех строений [7, с. 460].

В Нагасаки все сложилось по-другому. Хотя сброшенная 9 августа в 11 ч 02 мин на этот город бомба была мощнее хиросимской, но холмистый рельеф района Нагасаки погасил основную часть ударной волны, а многочисленные складки местности помогли жителям избежать и части светового излучения. Число жертв в Нагасаки вдвое меньше, чем в Хиросиме, – около 70 тыс. чел. [7, с. 461].

Страна была потрясена невиданной в мировой истории трагедией. Через 6 дней после взрыва в Нагасаки император Хирохито обратился к подданным по радио, объявив, что Япония не в силах более вести войну.

Неизвестные ранее болезненные симптомы обрушились на оставшихся в живых жертв взрывов – хибакуся. Сначала прошла волна лейкемии – болезни крови, вызванной радиоактивным заражением. Она унесла еще несколько десятков тысяч жизней, особенно сильно распространившись в середине 1950-х гг. Затем лейкемия пошла на убыль, но и сейчас еще встречаются случаи этого тяжелейшего заболевания у хибакуся и их потомков (ныне в Хиросиме это каждый 10-й житель). Вслед за лейкемией начались массовые вспышки рака всех

форм. Страдания хибакуса осложнялись тем, что в послевоенной Японии не хватало самых элементарных медицинских средств, лекарств, техники.

Американские оккупационные власти не оказали больным никакой помощи, но самым тщательным образом проводили опросы хибакуса, фотографировали их, заставляли делать анализы, используя эти данные в своих новых ядерных программах. Эксперимент продолжался.

Как уже было сказано, после атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки военное и политическое руководство Японии окончательно поняло безвыходность положения и 15 августа устами императора заявило о безоговорочной капитуляции.

Однако японские генеральный штаб и ставка не торопились с приказами войскам и штабам о прекращении военных действий. К тому же не везде эти приказы были тотчас приняты к исполнению. Японская армия в Китае отказалась сложить оружие, оправдывая это нежеланием оказаться в плену у коммунистов. Командующий Квантунской армией генерал Ямада снова и снова запрашивал из Токио дополнительных подтверждений и уточнений. Прежде чем капитулировать со своим штабом, генерал Ямада еще раз перенес свой командный пункт — из Тунхуа в Чанчунь — и только 18 августа предстал перед советским командованием. Не полагаясь на благоразумие военных руководителей, японское правительство отправило на важнейшие направления членов императорской семьи, чтобы оказать определенное давление на военных, а в случае их отказа провести в жизнь указ императора о капитуляции. И все же даже после опубликования указа императора в военной среде продолжалось брожение. В дни капитуляции самоубийства высших должностных лиц, политических деятелей и генералов стали массовым явлением.

16 августа на смену правительству адмирала Судзуки пришло правительство принца Хигасикуни, в задачу которого входило не допус-

тить кровавых столкновений в стране и подготовиться к встрече оккупационных сил. Выступая в последний раз по радио, бывший премьер-министр Судзуки призвал народ соблюдать спокойствие и благоразумие. Напомнив причины, приведшие страну к необходимости сложить оружие, он выдвинул на первое место участие в войне Советского Союза.

Объявленный главнокомандующим союзными войсками в Японии генерал Макартур и сам не спешил с высадкой оккупационных войск. Наконец были назначены день высадки войск — 28 августа и день подписания акта о капитуляции — 2 сентября 1945 г. Представителем СССР в созданном союзниками контрольном органе по Японии был назначен генерал-лейтенант К. Н. Деревянко.

2 сентября 1945 г. на борту американского флагманского линкора «Миссури», прибывшего в воды Токийского залива, состоялась официальная церемония подписания акта о безоговорочной капитуляции Японии. Акт подписали министр иностранных дел Японии М. Сигемизу как представитель императора и японского правительства и начальник Генерального штаба генерал Й. Умедзу. США представлял верховный главнокомандующий союзных войск генерал Д. Макартур, Советский Союз — генерал-лейтенант К. Н. Деревянко, Великобританию — адмирал Б. Фрейзер. Присутствовали также представители Франции, Нидерландов, Китая, Австралии, Новой Зеландии. Первый пункт акта гласил, что Япония принимает условия декларации, опубликованной 26 июля в Потсдаме главами правительств США, Китая и Великобритании, к которой впоследствии присоединился и СССР*. Подписание акта о капитуляции означало окончание Второй мировой войны.

Таким образом, прошло уже 60 лет с этого знаменательного события. Однако следует отметить, что Япония и поныне продолжает выдвигать территориальные претензии к России. По японской версии, подписав в апреле 1941 г. пакт о нейтралитете, Страна восходящего солн-

* Декларация предусматривала уничтожение в Японии власти и влияния милитаристов, оккупацию японской территории в течение периода, необходимого для ликвидации последствий милитаристской политики, ограничение суверенитета Японии островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку, разоружение японской армии, наказание военных преступников. Декларация разрешала Японии иметь только мирную промышленность.

ца якобы честно его соблюдала, а «коварные русские» нанесли ей в 1945 г. «удар в спину». Создатели такой трактовки истории приложили немало усилий для того, чтобы представить Японию «жертвой советского нападения», отводя от себя ответственность за развязывание войны в Китае, Юго-Восточной Азии и на Тихом океане. До сих пор 9 августа в японской столице расклеиваются листовки с изображением «топчущего Японию» советского солдата со звериным оскалом, огромной красной звездой на каске и автоматом наперевес.

В Японии, представляя вступление Советского Союза в войну с ней как акт агрессии, сознательно затушевывают тот факт, что данный шаг есть следствие союзнических отношений между СССР, США и Великобританией, определявших ход и исход Второй мировой войны. Militarистская Япония была активным и не менее разбойным, чем фашистская Германия, участником коалиции агрессоров. В Вашингтоне и Лондоне с самого начала считали Москву не только соратником в борьбе с Германией, но и с Японией.

Сменивший Рузвельта после его кончины Трумэн на Потсдамской конференции даже после получения сообщения об успешном испытании атомной бомбы прямо заявил Сталину, что «США ожидают помощи от СССР» [7, с. 458]. Хотя, обладая новым «сверхоружием», американцы по политическим мотивам уже в меньшей степени желали участия СССР в войне, по чисто военным соображениям они не могли отказаться от советской помощи, поскольку уверенности в том, что атомная бомба поставит японцев на колени, не было: ведь не прекратили же они сопротивление после разрушения Токио и других крупных городов в результате «ковровых бомбардировок», начатых весной 1945 г. В США знали, что милитаристская верхушка Страны восходящего солнца готова вести войну «до последнего японца». Заместитель начальника японского главного морского штаба адмирал Ониси прямо предлагал на заседаниях правительства «пожертвовать жизнями 20 млн японцев, превратив их в «смертников-камикадзе». И это были не просто слова. Как уже было сказано, по американским

расчетам, в случае вторжения на Японские острова могли погибнуть не менее 1 млн солдат и офицеров США.

При этом следует иметь в виду, что к августу 1945 г. Вашингтон имел только две готовые атомные бомбы, а темпы производства ядерного оружия в то время были достаточно низкие. В то же время командование США весьма беспокоило переброска сохранявшей свою боевую мощь Квантунской армии в метрополию, что значительно усиливало оборону японских островов в случае высадки союзных войск. Предотвратить такое развитие событий могла только Красная Армия. Следовательно, для Вашингтона участие СССР в войне оставалось не только желательным, но в высшей степени необходимым.

Таким образом, противоречат истине утверждения о том, будто «конец Второй мировой войны был положен атомными бомбами, сброшенными на Хиросиму и Нагасаки». Не отвергая значения атомных бомбардировок, приблизивших капитуляцию Японии, нельзя согласиться с утверждением, что именно они решили исход войны. Это признавалось и видными политическими деятелями Запада. Так, У. Черчилль заявлял: «Было бы ошибкой предполагать, что судьба Японии была решена атомной бомбой» [7, с. 460]. Готовя атомную бомбардировку, американское руководство рассчитывало на то, что она поможет «сделать Россию сговорчивой в Европе». Справедливо по этому поводу заметил английский ученый профессор Блекетт: «Взрывы атомных бомб в Японии были не последним актом Второй мировой войны, а первым актом холодной дипломатической войны против России» [7, с. 461].

ВЫВОД

Большой вклад в дело победы над милитаристской Японией внесли англо-американские союзники. Атомные бомбы, сброшенные на Хиросиму и Нагасаки, значительно ускорили капитуляцию Японии. Однако решающую роль в победоносном завершении Второй мировой войны сыграли Советские Вооруженные Силы, молниеносным ударом разгромившие в августе

1945 г. японские войска на территории Северо-Восточного Китая (Маньчжурии), Северной Кореи, Внутренней Монголии, на Японском и Охотском морях, на Сахалине и Курильских островах.

ЛИТЕРАТУРА

1. История Второй мировой войны. 1939–1945: В 12 т. – Т. 11: Поражение милитаристской Японии. Окончание Второй мировой войны. – М.: Воениздат, 1980. – 495 с.
2. История внешней политики СССР: 1917–1985 гг.: В 2 т. / Под ред. А. А. Громыко, Б. Н. Пономарева – Т. 1: 1917–1945 гг. – М.: Наука, 1986. – 535 с.

3. История войн и военного искусства: Учеб. для высш. воен. учеб. заведений. – М.: Воениздат, 1970. – 560 с.
4. Кошкин А. А. Крах стратегии «спелой хурмы»: Военная политика Японии в отношении СССР. 1931–1945 гг. – М.: Мысль, 1989. – 271 с.
5. Василевский А. М. Дело всей жизни. – Мн.: Беларусь, 1988. – 542 с.
6. Дорогой победы: Сборник воспоминаний видных военачальников / Сост. Г. П. Малых. – Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1985. – 228 с.
7. Кутаков Л. Н. История советско-японских дипломатических отношений. – М.: Изд-во Ин-та международ. отношений, 1962. – 560 с.

УДК 141.132

МЕТАМОРФОЗЫ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

Канд. фил. наук, доц. ЛОГОВАЯ Е. С.

Белорусский национальный технический университет

Значимость и даже безусловность разума как сущностной характеристики человека очевидны. Не случайно биология констатирует разумность в видовом определении человека – *Homo Sapiens*. Означает ли это, что понятия «разумность» и «рациональность» можно рассматривать как синонимы, может ли человеческий разум быть вне- или нерациональным, какие трансформации претерпевает самое понятие «рациональность» на протяжении развития культуры?

В общем виде «рациональность» выступает в качестве программы исследовательской деятельности, определяя ее цели, задачи, границы, а также средства и методы. Рациональность – важнейший параметр и для самой науки, и для культуры, в рамках которой она существует.

Становление данного понятия произошло в древнегреческой культуре, которая демонстрирует фундаментальные изменения в самом способе бытия человека: вопрошающий разум

приходит на смену авторитарной вере. В рамках натурфилософии впервые возникла методологическая установка на теоретическое объяснение мира. Понятие «фюзис» как сфера закономерностей, лежащих в основании отдельного природного объекта и всего Космоса, стало активно противопоставляться понятию «номос» как сфере человеческого или божественного установления.

Введение понятия «фюзис» в картину мира явилось одной из попыток проблематизировать основы миропонимания, критически переосмыслить сложившуюся традицию, поставить под сомнение очевидное и несомненное и тем самым утвердить свободу мышления в качестве важнейшего принципа человеческого существования. Признание ценности самостоятельного, личностного мышления, не зависящего от традиционных мифологических представлений, стало первым шагом в процессе длительного и противоречивого развития научного познания. основополагающей ценностью культуры стал